

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1281-1289. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1281
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Collections in the Museum of Russian Studies of the Imperial Kazan University

Elena G. Guschina ^{a, *}, Tatiana T. Titova ^a, Adelia I. Khairullina ^a, Arslan Kh. Mingaliev ^a

^a Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation

Abstract

The article reconstructs the process of forming the collection on the Ethnography of the Russian people in the Museum of Russian studies of the Imperial Kazan University. The features of the collection at different historical stages are identified, and the composition of the collections is analyzed. The authors pay special attention to the role of the individual in the acquisition of funds and determining the trajectory of development of this collection. The materials used are extracts from reports on the state and functioning of the Imperial Kazan University, the Museum archive, inventories and the exhibits of the Ethnographic Museum of Kazan University.

The authors come to the conclusion that this collection was actually disconnected from the research and educational process and did not have a scientific logic of formation. The main declared task of the collections was not solved: purposeful acquisition for a full and comprehensive representation of the peoples of the Volga region. These problems are explained by the peculiarities of scientific interest of Museum directors, who did not attach much importance to the specifics of ethnographic collections, and the lack of a tradition of keeping records. The authors were able to use museum and archive sources to identify the ownership of one collection (collector – N.L. Shabelskaya), which in Soviet times was designated as "a collection of unknown origin".

Keywords: collection, museum, ethnography, Russian, traditional culture, museum collection, material culture.

1. Введение

Музей отечествоведения Императорского Казанского университета являлся уникальным музеем гуманитарного профиля в России XIX в. – он не был предусмотрен Уставом университета, но естественным образом сформировался в ходе развития науки и не имел аналогов в других российских университетах. Данный музей был образован в 1885 г. путем реорганизации Музея этнографии, древности и изящных искусств, в основе которого, в свою очередь, лежали коллекции Кабинета редкостей (первого музея этнографического профиля в Казанском университете и первого гуманитарного музея Поволжья в целом). Просуществовал Музей отечествоведения до 30-х гг. XX в., но все его этнографические коллекции в 1913 г. по решению Совета университета передали в Этнографический музей. Этот новый музей был организован по инициативе и проекту российского этнографа, музейного деятеля, географа Б.Ф. Адлера. Основой музея стали коллекции Кабинета географии, который возглавлял Б.Ф. Адлер. Помимо коллекций Музея отечествоведения, в состав нового музея вошли коллекции музея Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) (Гущина, 2011: 233).

Музей отечествоведения создавался как специализированный музей по презентации прошлого (археологии) и настоящего (этнографии) «местного Отечества». Вместе с тем коллекции, которые

* Corresponding author

E-mail addresses: egguschina@mail.ru (E.G. Guschina), tatiana.titova@rambler.ru (T.A. Titova), aikhayrullina@mail.ru (A.I. Khairullina), arslan.mingaliev@yandex.ru (A.Kh. Mingaliev)

хранились в нем, были достаточно разноплановыми. Например, из собранных в первой половине XIX в. коллекций Кабинета редкостей в Музей отечествоведения перешло богатое собрание по народам Восточной и Северной Азии, Океании и Америки.

Для того чтобы сформировать фонды по народам северо-восточной части Российской империи, в том числе и по народам Волго-Уралья, сотрудники Музея отечествоведения закупали специальные профильные коллекции. Также фонды этнографических музеев Казанского университета пополнялись благодаря экспедициям и дарам этнографов и специалистов, занимавшихся вопросами народной культуры. Несмотря на то, что на протяжении XIX в. в Казанском университете функционировало несколько музеев с разными научными, учебными и культурно-просветительскими целями, в собрании всех трех музеев имелись коллекции по народам Поволжья, в том числе и поволжским великороссам. Однако специфика развития этнографии в Казанском университете в XIX – первой четверти XX вв. (изучение преимущественно финно-угорских и тюркских народов Волго-Уралья, народов Сибири и Дальнего Востока, а также народов сопредельных с Российской империей восточных стран) не способствовала формированию качественных коллекций по традиционной культуре русских регионов. Тем не менее анализ описей Этнографического музея показывает, что в нем хранится достаточно большое репрезентативное собрание по традиционной культуре разных русских областей России. При этом русские коллекции, как и история их формирования, до настоящего времени не становились объектом исследования ученых: нет не только комплексного описания, но и атрибуции некоторых предметов.

Изучение истории формирования означенного собрания позволяет более полно представить картину развития этнографии и музейного дела в дореволюционной России. Также введение в научный оборот информации о коллекциях университетских музеев, часто недоступных и неизвестных широкому кругу исследователей, способствует расширению исследовательских возможностей по изучению традиционной культуры.

2. Материалы и методы

В качестве материалов для работы нами использованы архивные источники и описи Этнографического музея Казанского университета. В настоящее время в его собрании хранится 43 коллекции (разные по составу и количеству экспонатов), характеризующие традиционную материальную и духовную культуру русского народа (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские). Большая часть предметов поступила в Казанский университет в конце XIX – начале XX вв. и хранилась в Музее отечествоведения. Следует отметить, что сами описи содержат минимальные сведения: в лучшем случае – данные, из какого музея университета были переданы, название экспоната, место бытования. Установить более детальную картину пополнения музея коллекциями и рассмотреть особенности изучения этнографии русских помогают отчеты о состоянии Императорского Казанского университета, которые ежегодно издавались в печатном виде. Архивный материал по теме исследования сосредоточен в Национальном архиве Республики Татарстан (ГА РТ; фонд № 977 «Казанский университет», описи «Совет», «Историко-филологический факультет»/«Истфилфак») и архиве Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета (АФ ЭМУ). Важным источником, раскрывающим общую логику функционирования Музея отечествоведения и его научную концептуальную основу, является статья И.Н. Смирнова «Музей Отечествоведения» (Смирнов, 1892). В ней автор достаточно подробно описывает состав фондов и экспозицию музея.

Методологической основой работы стал историко-системный подход, при помощи которого мы смогли реконструировать историю формирования коллекций по русской этнографии в контексте развития этнографии в Казанском университете. В ходе работы нами были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), так и специальные исторические методы (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический), которые являются необходимыми при рассмотрении в хронологической последовательности особенностей комплектования Музея отечествоведения, его функционирования и вклада отдельных ученых Казанского университета. Применение комплекса вышеназванных методов позволяет всесторонне реконструировать процесс формирования коллекций по этнографии русского народа в собрании Музея отечествоведения в контексте развития этнографии в Казанском университете.

3. Обсуждение

Специфика темы предполагает обращение к литературе как по истории музея и музейного собрания, так и истории этнографии в Казанском университете. Изучением этих вопросов этнологи и историки Казанского университета начали заниматься в советский период и планомерно продолжают данную работу до настоящего времени. Например, в советское время была подробно описана и атрибутирована океанийская коллекция, привезенная в 1821 г. И.М. Смирновым из Первой русской антарктической экспедиции (Кабо, Бондарева, 1974). В настоящее время коллекции Этнографического музея также являются объектом пристального интереса исследователей. Так, в 2012 г. вышла статья О.А. Масаловой и Е.Г. Гущиной «Этнографические наблюдения в Южной Америке профессора В.Ф. Берви» (Масалова, Гущина, 2012). В ней авторы описывают

латиноамериканскую коллекцию, реконструируют жизненный и научный путь ее собирателя и приводят интересные архивные материалы об экспедиции. Стоит отдельно отметить монографию Е.Г. Гущиной, в которой достаточно подробно в контексте развития этнографии в Императорском университете описываются особенности функционирования разных этнографических музеев университета (Гущина, 2019).

Русское население в местах своего основного расселения уже в XIX в. становится объектом этнографического изучения. Но планомерное этнографическое исследование русского населения Волго-Уралья начинается только в советское время и связано с именами этнографов Казанского университета Е.П. Бусыгина, Н.В. Зорина и Л.С. Токсубаевой (Титова, 2019). Они же первыми обратились к описанию русских коллекций Этнографического музея Казанского университета. Отдельного внимания заслуживает статья Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина «Русские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета» (Бусыгин, Зорин, 1958), в которой ученые приводят общие сведения о составе русских коллекций, собранных в дореволюционное время, выделяя предметы кустарных промыслов, быта, одежды и головные уборы. Также авторы дают общий обзор коллекции, которую они собрали в экспедиции в 1957 г. и передали в Этнографический музей Казанского университета, однако при этом не описывая исторический контекст формирования данного собрания и не указывая «опознавательных» номеров коллекций и отдельных предметов. Так, Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин ограничились лишь коротким упоминанием о полученных из Музея отечествоведения женских головных уборах, не имевших точной датировки, и небольшим перечислением разновидностей этих уборов (Бусыгин, Зорин, 1958: 112).

История развития этнографии, в том числе и процесс формирования музейных коллекций, является одним из направлений научных исследований этнологов Казанского университета в настоящее время. Например, достаточно подробно рассмотрены процесс формирования коллекций по народам Сибири и особенности этнографического изучения этого региона в статье «К исследованию в естественно-историческом отношении восточного края России и Сибири: роль Общества естествоиспытателей при Казанском университете в развитии этнографии в первой четверти XX в.» (Titova et al., 2015). В статьях этнологов Казанского университета рассматриваются особенности развития этнографии как науки и этнографического музея как материально-технической базы в Поволжье в XIX – XX вв. (Титова и др., 2018; Гущина, 2014).

Таким образом, история функционирования как Этнографического музея и вошедших в его состав музеев, так и отдельных коллекций на сегодняшний день достаточно хорошо изучена. Вместе с тем именно русские коллекции Этнографического музея, в том числе и коллекции, вошедшие в его состав из фондов Музея отечествоведения, не получили должного внимания и заслуживают детального рассмотрения.

4. Результаты

Музей отечествоведения Казанского университета был образован в 1885 г. путем реорганизации Музея древностей и этнографии, изящных искусств, собрания монет и медалей (созданного на базе коллекций Кабинета редкостей – первого этнографического музея Казанского университета). Как можно понять из названия, это был достаточно большой и разноплановый по составу коллекций музей. До реорганизации его возглавлял Н.А. Фирсов, который затем стал заведующим Музеем отечествоведения. Его основой стали коллекции Кабинета редкостей, дополненные собранными за тридцать лет существования Музея древностей и этнографии археологическими и этнографическими коллекциями народов России. При музее функционировала большая библиотека, в которой были книги по истории, этнографии и географии «отечествоведения вообще», и северо-востока России в частности. Отметим, что Н.А. Фирсов ратовал за создание особого самостоятельного «русского отдела» (ГА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 5-6).

Сложно точно определить, что представлял собой этот «русский отдел», поскольку никакая дореволюционная учетная документация не сохранилась, даже при наличии подобной в некоторых музеях Императорского Казанского университета, имеющих этнографический профиль. При этом мы точно знаем, что в Музее отечествоведения была инвентарная книга – «каталог документальный», выданный в 1887 г. для записи имущества (ГА РГ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1884. Л. 5). Но сложно даже предположить, какая именно информация и в какой форме туда вносилась. Уже на момент объединения этнографических собраний университета в 1913 г. в Этнографический музей невозможно было восстановить многие описи и атрибутировать предметы и коллекции, авторство которых было сомнительно или неизвестно (Гущина, 2019: 167). В описях Этнографического музея Казанского университета коллекции, переданные из Музея отечествоведения, имеют соответствующую пометку, но практически не содержат никаких «паспортных» сведений. Например, про коллекции Музея отечествоведения Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин написали один абзац: «Очень много женских головных уборов получено Этнографическом музеем Казанского университета из ранее существовавшего здесь Музея отечествоведения в начале XX в. Они, к сожалению, не имеют точной датировки...», и далее в тексте приводится перечисление некоторых их разновидностей (Бусыгин, Зорин, 1958: 112).

Действительно, учетную документацию на коллекции, а именно описи, которые явились исторической формой учета предметов Этнографического музея Казанского университета и номера которых приводятся при обращении к коллекциям, стали составлять только по инициативе Б.Ф. Адлера в 1915–1920 гг. после окончательного объединения всех этнографических коллекций университета. Причем процесс создания инвентарных книг и описей Этнографического музея Казанского университета в XX в. проходил непланово. Следует отметить, что в силу специфики развития этнографии в Казанском университете в 30–40-е гг. XX в. (сложные условия работы, репрессии, директивное назначение тем, закрытие кафедры и музея) в период, когда составлялась основная учетная документация – коллекционные описи, в музее не было специалистов, знающих историю поступлений и/или комплексно этнографию конкретных народов.

Вместе с тем, привлекая к работе архивные материалы, источники, в которых содержится информация о пополнении Музея отечествоведения коллекциями (отчеты, протоколы), нам удалось достаточно полно реконструировать историю формирования его русских коллекций. Прежде всего, следует отметить, что при создании Музея отечествоведения его собрания в большей степени иллюстрировали культуру народов Австралии, Океании, Америки, Китая, Монголии и других стран, но не «местного отечества». Однако именно презентация культуры народов многонационального Волго-Уралья провозглашалась миссией этого музея и основным направлением его развития. При Музее отечествоведения было создано два отдела: собственно музей и библиотека ([Извлечение..., 1888: 72](#)). На протяжении истории своего развития музей пополнялся археологическими, историческими и этнографическими коллекциями. Как отмечают исследователи, в процессе формирования его коллекционного собрания отсутствовала плановость и четко сформированная траектория развития, именно этнографические коллекции собирались с большими сложностями. Это объясняется, прежде всего, тем, что в музее работали историки, которые не воспринимали этнографическое собрание как самостоятельный и информативный источник, этнография не входила в сферу их научных интересов ([Гущина, 2019: 87](#)). Музей отечествоведения возглавляли два профессора кафедры русской истории: до 1896 г. – Н.А. Фирсов (1831–1896), после – Д.А. Корсаков (1843–1920).

Достаточно полное представление о том, что представлял собой Музей отечествоведения в 90-е гг. XIX в. нам дает заметка о нем историка, этнографа И.Н. Смирнова в «Известиях» ОАИЭ. Подчеркнем, что в своем описании музея он не приводит подробной информации о коллекциях по народам мира, которые хранились в музее, но довольно подробно описывает коллекции по народам Поволжья. Это еще раз подтверждает тот факт, что музей планировали развивать именно как специализирующийся на культуре народов «местного Отечества». И сам И.Н. Смирнов занимался этнографическим изучением и сбором коллекций для данного музея по народам края; ему же во многом принадлежит концепция развития данного музея ([Титова и др., 2018: 63](#)).

Предметы и коллекции по народам Волго-Уралья в Музее отечествоведения размещались таким образом, что на основе их сравнительно-сопоставительного анализа можно было делать выводы о развитии культуры местных народов, их взаимовлиянии. Например, описывая отдел фотографий, И.Н. Смирнов отмечал, что «посетитель музея имеет, прежде всего, возможность ознакомиться с историей развития инородческого жилища. Начиная с конического овина, который является остовом былого чума, переходя через курную избу с открытым ходом (пермяцкая изба), инородец постепенно доходит до русского дома, идеал которого имеется тут же в виде модели дома, какой строят раскольники-бегуны, к дому с крытым крыльцом, сенями и т.д.» ([Смирнов, 1892: 442-443](#)).

Таким образом, русские коллекции стали «венцом» в такой своего рода «эволюционной цепочке», являя собой, по мнению составителей, более «совершенную модель». При этом И.Н. Смирнов отмечал, что как в изучении русского населения края, так и в формировании коллекций были определенные сложности. В своем очерке о Музее отечествоведения И.Н. Смирнов отмечает, что русский отдел был «беднее других отделов». При описании коллекций по традиционной культуре русского населения, которые хранились в Музее отечествоведения, он упоминает несколько групп предметов ([Смирнов, 1892: 446](#)):

1) фотографии, запечатлевшие этнотерриториальную группу русских Поволжья, проживающих с XVII в. среди низовых чувашей в окрестностях Мариинского посада Чебоксарского уезда Казанской губернии;

2) фотографии, «знакомящие с формами народной архитектуры Нижегородской, Вятской и Костромской губерний, перенесенными на З. Казанской губернии»;

3) модели северорусского дома;

4) манекен в костюме русской женщины Казанской губернии первой половины XIX в., изготовленный г. Нелидовой;

5) женские «костюмы»: один – Вятской губернии, два – Нижегородской, а также несколько образцов головных женских уборов Казанской, Вятской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерний;

6) отдельные элементы женского костюма Тульской и Рязанской губерний, с кружевами и вышивками, пожертвованные Н.Л. Шабельской.

Сложно определить, что представляло собой большинство из этих коллекций и кто был собирателем и/или дарителем (помимо тех, в которых упомянуты Нелидова и Шабельская), как и то, когда именно они поступили в музей. Нигде в отчетах мы не нашли подробной информации, предметы не сопровождаются бирками/описанием, не сохранилось никаких описей Музея отечествоведения. Более того, в современном Этнографическом музее хранится только пара портретных дореволюционных фотографий русских и не определено, где находится (и сохранился ли вообще) указанный в описании И.Н. Смирнова массив фотографий. Все коллекции, собранные в данном музее в 1880–1890 гг., вообще сложно атрибутировать, что свидетельствует о незаинтересованности или, возможно, простом неумении работать с этнографическими предметами и с музейным собранием в целом людей, возглавлявших музей.

Не установлена и судьба манекена, «дающего понятие о костюме, который носился в Казанской губернии» (Смирнов, 1892: 446). Его автор – Раиса Александровна Нелидова, преподаватель истории казанской Мариинской женской гимназии, член Общества археологии, истории и этнографии. Она занималась изучением и репрезентацией традиционного русского костюма и создавала авторские манекены, одетые в авторские репродукции традиционных костюмных комплексов разных эпох и разных этнотерриториальных групп русских. Р.А. Нелидова позиционировала свои работы как наглядные пособия для преподавания русской истории и презентовала их 27 апреля 1890 г. на одном из заседаний Общества (Титова, Гуцина, 2018: 218). Это были несколько манекенов в русских костюмах XI–XVII вв. и рисунки, среди которых особо выделялся манекен русской девушки Казанской губернии первой четверти XIX в. в «полном наряде» (Протоколы заседаний..., 1891: 3-4). В настоящее время ни один из манекенов Р.А. Нелидовой не был обнаружен ни в одном из музеев г. Казани.

В 1890–1891 гг. в Музей отечествоведения Н.Л. Шабельская пожертвовала интересную коллекцию отдельных принадлежностей женского костюма Тульской и Рязанской губерний, а также кружева и вышивки (Смирнов, 1892: 446). С ее именем связано существование одного из самых больших собраний по декоративно-прикладному искусству русского народа. Меценат, коллекционер, любительница старины и народного искусства, Н.Л. Шабельская организовала в своем имении мастерскую по изготовлению вышивок и вышитой продукции. Она много путешествовала по центральной России, изучала подлинники в разных музейных собраниях, посещала ярмарки. Энергичная собирательская деятельность, создание реплик и вариаций элементов русского народного костюма ее мастерицами способствовали открытию в Москве частного «Музея старины» (Глебушкин, 2018). Свои коллекции Н.Л. Шабельская неоднократно презентовала на выставках в музеях, на всероссийских и всемирных выставках в Западной Европе и Америке, где часто ее экспонаты отмечали высокими наградами (Агапова, 2010).

Коллекция головных уборов Н.Л. Шабельской не была зарегистрирована отдельно, как и большинство коллекций Музея отечествоведения. В отчетах мы не встречали информацию о составе этой коллекции и даже простого указания количества предметов. Несколько головных уборов из собрания Этнографического музея Казанского университета имеют печать синей краской на внутренней стороне предмета: «Собрание русской старины Н.Л. Шабельской». Все они зарегистрированы под учетным номером ЭМУ 200. Всего в этой коллекции 24 предмета, и только данная коллекция среди всех русских коллекций Этнографического музея Казанского университета имеет подпись «из музея отечествоведения». Все девичьи и женские головные уборы, представленные в указанной коллекции, «богатые»: с золотным шитьем, из парчи, с украшением бисером и т.п. Несмотря на то, что все головные уборы соответствуют собирательским ориентирам Н.Л. Шабельской и наглядно демонстрируют отдельные направления русского декоративно-прикладного искусства, мы не можем утверждать, что они были собраны именно ею, так как мы точно знаем, что в собрании Музея отечествоведения хранились и другие головные уборы. Поэтому как о переданных в дар именно Н.Л. Шабельской мы можем говорить только о тех экспонатах, которые имеют соответствующее клеймо. Как было обозначено ранее, она передала в музей отдельные предметы женского костюма Тульской и Рязанской губерний, а также коллекцию образцов кружева и вышивок (Смирнов, 1892: 446). Эти коллекции зарегистрированы под учетными номерами ЭМУ 171 и ЭМУ 258 соответственно. Причем коллекция ЭМУ 171 имеет обозначение – «куплено у Шабельской», а коллекция образцов вышивок и кружев не была атрибутирована до настоящего времени. Сопоставив описание всех русских коллекций Этнографического музея Казанского университета с описями и архивными материалами, сами образцы вышивок, кружева и способ их презентации с каталогом «Собрание русской старины» (Сидамон-Эристов, 1910), а также аналогичными музейными собраниями России, мы пришли к выводу, что коллекция ЭМУ 258 является именно той коллекцией, которую пожертвовала Музею отечествоведения Н.Л. Шабельская.

Рассматривая пятую группу экспонатов – «женские костюмы», по ее обобщенной формулировке (характеристике) сложно заключить, были ли это полные костюмные комплексы или отдельные элементы. Анализ описей и коллекций Этнографического музея Казанского университета показал, что эти предметы являются коллекцией, зарегистрированной под учетным номером ЭМУ 170. В коллекции было 48 номеров: сарафаны, душегреи и холодники, платки и полотенца

(АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 170. № 1–48). В описи отсутствует какая-либо информация о месте бытования или собирателе предметов, поэтому невозможно сформировать представление о целостности коллекции, ее репрезентативности в части географических особенностей традиционного костюма русского народа. Визуальный анализ экспонатов показал, что большая часть предметов костюма (сарафаны и верхняя одежда) выполнена из дорогих фабричных тканей – парчи, бархата, шелка, богато декорирована и относится праздничной одежде.

Именно такие же праздничные «богатые» предметы одежды русских продолжили в дальнейшем закупать для Музея отечествоведения и при новом директоре Д.А. Корсакове. Он планировал, как и Н.А. Фирсов, развивать музей в рамках истории, археологии и этнографии Волго-Уралья, где особое место отводилось русской истории, что соответствовало профилю историко-филологического факультета и кафедры, при которой был Музей отечествоведения. Бытовые предметы поступали только за счет единичных пожертвований, а ритуальные предметы или образцы ремесленных промыслов не поступали вовсе. Так, в начале XX в. в дар от студента Казанского университета В.В. Лобанова передана коллекция пастушьих бирок (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 7. № 1), а от неизвестного лица была получена коллекция бытовой утвари в 6 предметов (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 8. № 1–7).

Сведения о закупках русских коллекций Д.А. Корсаковым более информативны: в отчетах встречаются сведения о дате покупки и месте бытования, что отразилось в описях. На протяжении пяти лет (1903–1908 гг.) у крестьянина Костромской губернии Владимира Михайловича Богомолова Д.А. Корсаков ежегодно приобретал одну коллекцию. Больше мы не встречаем информации о пополнении Музея отечествоведения новыми предметами по «прошлому и настоящему» русского народа. В отчетах о состоянии музея за 1904 г. есть только одна запись про закупку предметов у В.М. Богомолова, приобретенных за 91 рубль: «... куплено 90 малых медных образков», «коллекция головных уборов (кокошников, кичек, косынок)», «крестьянских парчовых сарафанов» и «штофный холодильник» (Отчет..., 1905: 31).

При составлении описей предметов из этих собраний в середине XX в. их разбили по нескольким коллекциям (например, в одной коллекции значится только один сарафан). С определением некоторых предметов в коллекции возникла, судя по всему, путаница. Например, в одном из отчетов мы встречаем информацию, что в 1906 г. у В.М. Богомолова был приобретен деревянный «расписанный травами» свечник (светец) из Архангельской губернии (Отчет..., 1907: 28). Но такой светец в собрании музея был только один и при составлении описей его зарегистрировали как купленный у В.М. Богомолова в 1905 г. (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 10. № 8).

Всего в настоящее время в Этнографическом музее зарегистрировано 16 коллекций (58 предметов), приобретенных у В.М. Богомолова для Музея отечествоведения. В большей степени в его собраниях представлены предметы традиционного женского костюмного комплекса Нижегородской, Костромской, Архангельской, Вологодской, Пензенской, Ярославской, Рязанской и Тамбовской губерний. Можно предположить, что в результате покупки этих коллекций в музее были собраны основные костюмные комплексы разных этнографических групп русского народа. Но это не совсем так. Анализ коллекций показал, что там нет ни одного полного целостного костюмного комплекса, представлен только женский праздничный богатый костюм из дорогих покупных тканей.

5. Заключение

В целом, можно заключить, что согласно концепции Музея отечествоведения были предприняты усилия по целенаправленному формированию русской коллекции. В то же время это собрание было оторвано от научного и образовательного процесса, что отразилось на его качественном пополнении. В большей степени это были «нарядные» и «богатые» предметы, а не научные цельные коллекции, способные в полной мере представить региональную специфику русского населения разных частей Волго-Уралья или России в целом, а также половозрастную специфику. Отсутствовала научная логика в формировании данного собрания. Возможно, это связано с тем, что руководившие музеем историки Н.А. Фирсов и Д.А. Корсаков не рассматривали этнографические коллекции как самостоятельный информативный научный источник, а воспринимали их только как вспомогательный иллюстративный материал. Более того, рассмотрение вопросов этнографии не входило в их научный интерес.

Исключение составляет группа предметов, переданных в дар Р.А. Нелидовой и Н.Л. Шабельской. Пожертвованные ими в Музей отечествоведения коллекции отвечали их исследовательскому интересу и были комплексными. Созданный Р.А. Нелидовой манекен показывал особенности костюма крестьянки Казанской губернии первой четверти XIX в., но на данный момент нам не удалось его обнаружить ни в одном музее г. Казани. Коллекция образцов декоративно-прикладного искусства русских Н.Л. Шабельской содержит образцы вышивок, золотного шитья и кружева разных губерний России.

Отсутствие каталогов, учетной документации Музея отечествоведения существенно затрудняет работу с коллекциями. Но при привлечении архивных источников и проведении сравнительно-сопоставительного анализа с авторскими музейными собраниями можно атрибутировать как

отдельные предметы, так и коллекции. Примером этого может служить коллекция Этнографического музея Казанского университета под учетным номером ЭМУ 258, долгое время обозначенная как «неизвестного происхождения». Нам удалось с высокой степенью достоверности установить, что это могла быть только коллекция, переданная Н.Л. Шабельской. Проведение подобного анализа и атрибуции предметов расширяет исследовательское поле по изучению и репрезентации русской традиционной культуры, а также дает более глубокое представление о развитии этнографии и музейной собирательской работе.

Литература

Агапова, 2010 – Агапова М.Ю. Перспективы создания сводного каталога коллекции Н.Л. Шабельской // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 120. С. 7-11.

АФ ЭМУ – Архивный фонд Этнографического музея Казанского университета.

Бусыгин, Зорин, 1958 – Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Русские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета // *Советская этнография*. 1958. № 5. С. 107-112.

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан.

Глебушкин, 2018 – Глебушкин С.А. История собирательства русского традиционного костюма в России // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА*. 2018. № 2–2. С. 69-85.

Гущина, 2011 – Гущина Е.Г. Этнографическое собрание Казанского университета в первой четверти XX века // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 233-240.

Гущина, 2014 – Гущина Е.Г. «Познай самого себя»: кафедра географии и этнографии Казанского Императорского университета // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 11 (49). Ч. 2. С. 72-75.

Гущина, 2019 – Гущина Е.Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития // *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2019. Т. 39. № 1–2. 255 с.

Извлечение..., 1888 – Извлечение из отчета Казанского университета за 1887 академический год. Казань: Казанский ун-т, 1888.

Кабо, Бондарева, 1974 – Кабо В.Р., Бондарева Н.М. Океанийская коллекция И.М. Симонова // *Культура народов Австралии и Океании: Сборник музея антропологии и этнографии*. 1974. Т. 30. С. 101-111.

Масалова, Гущина, 2012 – Масалова О.А., Гущина Е.Г. Этнографические наблюдения в Южной Америке профессора В.Ф. Берви // *Латинская Америка*. 2012. № 6. С. 64-73.

Отчет..., 1905 – Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1904 год. Казань: Казанский ун-т, 1905. 145 с.

Отчет..., 1907 – Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1906 год. Казань: Казанский ун-т, 1907. 147 с.

Протоколы заседаний..., 1891 – Протоколы заседаний Совета и Общих собраний за 1890–1891 г. // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*. 1891. Т. IX. Вып. 3.

Сидамон-Эристов, 1910 – Собрание русской старины. [Соч.] Кн. В.П. Сидамон-Эристовой и Н.П. Шабельской. Вып. 1. Москва: Тип. П.П. Рябушинского, 1910.

Смирнов, 1892 – Смирнов И.Н. Музей Отчествоведения // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1892. Т. X. Вып. 4. С. 442-446.

Titova et al., 2015 – Titova T.A., Kozlov V.E., Guschina E.G. "Research in Natural Historical Value of East Region of Russia and Siberia": a Role of Society of Scientists at the Kazan University in Development of Ethnography in the First Quarter of the XX Century // *Bylye gody*. Vol. 37. Is. 3. pp. 689-696.

Титова и др., 2018 – Титова Т.А., Гущина Е.Г., Козлов В.Е. Этнографические исследования и этнографические коллекции по народам Среднего Поволжья ученых Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2018. № 2. С. 61-66.

Титова, 2019 – Титова Т.А. «Свое и чужое мы должны судить по высшим человеческим принципам»: история развития этнографии в Казанском университете / *Сборник материалов XIII Конгресса антропологов и этнологов России*. Москва, Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани, АН РТ. 2019. XXVII–XXX.

Титова, Гущина, 2018 – Титова Т.А., Гущина Е.Г. Женщины-этнографы дореволюционной Казани / *Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы XI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН*. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 217-219.

References

- Agapova, 2010** – Agapova M.Y. (2010). Perspektivy sozdaniya svodnogo kataloga kollektzii N.L. Shabel'skoi [Prospects for creating a consolidated catalog of the N. L. Shabel'skaya collection]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. № 120. pp. 7-11. [in Russian]
- AF EMU** – Arkhivnyi fond Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo universiteta [Archive Fund of the Ethnographic Museum of Kazan University].
- Busygin, Zorin, 1958** – Busygin E.P., Zorin N.V. (1958). Russkie kollektzii v Etnograficheskom muzee Kazanskogo universiteta. [Russian collections in the Ethnographic Museum of Kazan University]. *Sovetskaya etnografiya*. № 5. pp. 107-112. [in Russian]
- GA RT** – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. [State archive of the Republic of Tatarstan].
- Glebushkin, 2018** – Glebushkin S.A. (2018). Istoriya sobiratel'stva russkogo traditsionnogo kostyuma v Rossii [History of collecting Russian traditional costume in Russia]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA*. № 2-2. pp. 69-85. [in Russian]
- Gushchina, 2011** – Gushchina E.G. (2011). Etnograficheskoe sobranie Kazanskogo universiteta v pervoi chetverti XX veka. [Ethnographic collection of Kazan University in the first quarter of the XX century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitar. nauki*. Vol. 153, Is. 3. pp. 233-240. [in Russian]
- Gushchina, 2014** – Gushchina E.G. (2014). "Poznaj samogo sebya": kafedra geografii i etnografii Kazanskogo Imperatorskogo universiteta ["Know thyself": Department of Geography and Ethnography of the Kazan Imperial University]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 11 (49). Part 2. pp. 72-75. [in Russian]
- Gushchina, 2019** – Gushchina E.G. (2019). Etnograficheskoe sobranie Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i razvitiya. [Ethnographic collection of the Imperial Kazan University: history of formation and development]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskogo universitete*. Vol. 39. № 1-2. 255 p. [in Russian]
- Iz vlechenie..., 1888** – Iz vlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1887 akademicheskii god. [Extract from the report of Kazan University for the academic year 1887]. Kazan: Kazan University, 1888. [in Russian]
- Kabo, Bondareva, 1974** – Kabo V.R., Bondareva N.M. (1974). Okeaniiskaya kollektsiya I.M. Simonova. [The Oceanic collection of I. M. Simonov]. *Kul'tura narodov Avstralii i Okeanii: sbornik muzeya antropologii i etnografii*. Vol. 30. pp. 101-111. [in Russian]
- Masalova, Gushchina, 2012** – Masalova O.A., Gushchina E.G. (2012). Etnograficheskie nablyudeniya v Yuzhnoi Amerike professora V.F. Bervi. [Ethnographic observations in South America by Professor V.F. Bervi]. *Latinskaya Amerika*. № 6. pp. 64-73. [in Russian]
- Otchet..., 1905** – Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1904 god. [Report on the state of the Imperial Kazan University for 1904]. Kazan: Kazan University, 1905. 145 p. [in Russian]
- Otchet..., 1907** – Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1906 god. [Report on the state of the Imperial Kazan University for 1906]. Kazan: Kazan University, 1907. 147 p. [in Russian]
- Protokoly zasedanii..., 1891** – Protokoly zasedanii Soveta i Obshchikh sobranii za 1890-1891 g. [Minutes of meetings of the Council and General meetings for 1890-1891]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 1891. Vol. IX. Is. 3. [in Russian]
- Sidamon-Eristova, 1910** – Sobranie russkoi stariny. [Soch.] Kn. V.P. Sidamon-Eristovoi i N.P. Shabel'skoi. Vyp. 1. [Collection of Russian antiquities. [Op.] By V.P. Sidamon-Eristova and N.P. Shabel'skaya, Is. 1]. Moscow: tip. P.P. Ryabushinskogo, 1910. [in Russian]
- Smirnov, 1892** – Smirnov I.N. (1892). Muzei Otechestvovedeniya. [Museum of Russian Studies]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. Vol. X. Is. 4. pp. 442-446. [in Russian]
- Titova, 2019** – Titova T.A. (2019). «Svoe i chuzhoe my dolzhny sudit' po vysshim chelovecheskim printsipam»: istoriya razvitiya etnografii v Kazanskom universitete. ["Our Own and others we must judge by the highest human principles": history of Ethnography development at Kazan University]. *Sbornik materialov XIII Kongressa antropologov i etnologov Rossii*. Moscow, Kazan: IEA RAS, KFU, Mardzhani Institute of history, AS RT. 2019. XXVII-XXX. [in Russian]
- Titova, Gushchina, 2018** – Titova T.A., Gushchina E.G. (2018). Zhenshchiny-ethnografy dorevolutsionnoi Kazani. [Women-ethnographers of pre-revolutionary Kazan]. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiiskoi urbanizatsii XIV-XXI vekov. Materialy XI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIzHI i IEA RAN*. Moscow: IEA RAS, 2018. Vol. 2. pp. 217-219. [in Russian]
- Titova et al., 2015** – Titova T.A., Kozlov V.E., Gushchina E.G. (2015). "Research in Natural Historical Value of East Region of Russia and Siberia": A Role of Society of Scientists at the Kazan University in Development of Ethnography in the First Quarter of the XX Century. *Bylye gody*. Vol. 37. Is. 3. pp. 689-696.
- Titova i dr., 2018** – Titova T.A., Gushchina E.G., Kozlov V.E. (2018). Etnograficheskie issledovaniya i etnograficheskie kollektzii po narodam Srednego Povolzh'ya uchenykh Obshchestva arkheologii, istorii i

etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. [Ethnographic research and ethnographic collections on the peoples of the Middle Volga region by scientists of the Society of archeology, history and Ethnography at the Imperial Kazan University]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* № 2. pp. 61-66. [in Russian]

Русские коллекции в собрании Музея отечествоведения Императорского Казанского университета

Елена Геннадьевна Гущина ^{а, *}, Татьяна Алексеевна Титова ^а, Аделя Ильмировна Хайруллина ^а, Арслан Хайрутдинович Мингалиев ^а

^а Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье реконструирован процесс формирования собрания по этнографии русского народа в Музее отечествоведения Императорского Казанского университета. Также выявлены особенности собрания на разных исторических этапах, проанализирован состав коллекций. Авторы уделяют отдельное внимание роли личности в комплектовании фондов и определении траектории развития данного собрания. В качестве материалов использованы извлечения из отчетов о состоянии и функционировании Императорского Казанского университета, музейный архив, описи и экспонаты Этнографического музея Казанского университета.

Авторы приходят к выводам, что данное собрание было фактически оторвано от исследовательского и образовательного процесса и не обладало научной логикой формирования. Не была решена основная декларировавшаяся задача коллекций – целенаправленное комплектование для полной и всесторонней репрезентации народов Поволжья. Указанные проблемы объясняются особенностями научного интереса музейных руководителей, не придававших большого значения специфике этнографических коллекций, отсутствием традиции ведения учетной документации. Вместе с тем авторам удалось с помощью музейных и архивных источников выявить принадлежность одной из коллекций Н.Л. Шабельской, которая в советское время обозначалась как «коллекция неизвестного происхождения».

Ключевые слова: коллекция, музей, этнография, русские, традиционная культура, музейное собрание, материальная культура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: egguschina@mail.ru (Е.Г. Гущина), tatiana.titova@rambler.ru (Т.А. Титова), aikhayrullina@mail.ru (А.И. Хайруллина), arслан.mingaliev@yandex.ru (А.Х. Мингалиев)